

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 7 / 2025, Vol. 8, Iss. 7 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 94(470.6)"18"

Особенности освещения отдельных эпизодов вооружённого противостояния в Дагестане во второй половине 40-х – 50-е годы XIX в. в публикациях авторов газеты «Кавказ»

¹ Мкртчян Н.А.,
¹ Пятигорский государственный университет

Аннотация: статья посвящена дипломатии М.С. Воронцова на Кавказе в вопросах урегулировании кризиса российской политике в крае. Особое внимание уделяется методам князя М.С. Воронцова в решении поставленных задач. Также акцентируется внимание на информационном освещении в газете «Кавказ» – осады таких территорий Дагестана, как Салты и Гергебиль. Изучая газетные публикации, можно реконструировать уровень понимания сути происходящих событий той частью общества, которая непосредственно не была вовлечена в вооруженную борьбу. Такой подход позволяет выяснить, какие идеологические аспекты считались первостепенными по своей значимости и как они отражались на страницах региональной прессы. Важно выделить, что основными идеологическими установками газеты «Кавказ» являлись укрепление имперского имиджа, героизация армии и ее командиров, демонстрация военной эффективности, минимизация собственных провалов, создание негативного образа неприятеля. Так, газета «Кавказ» выступала проводником правительственной политики, стремясь представить Российскую империю как силу, способную обеспечить мир на Кавказе.

Ключевые слова: газета «Кавказ», вооруженные противостояния, Дагестан, имперская политика, урегулирование кризиса, пропаганда

Для цитирования: Мкртчян Н.А. Особенности освещения отдельных эпизодов вооружённого противостояния в Дагестане во второй половине 40-х – 50-е годы XIX в. в публикациях авторов газеты «Кавказ» // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 7. С. 200 – 210.

Поступила в редакцию: 18 июля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 сентября, 2025 г.; Принята к публикации: 23 октября 2025 г.

Features of the coverage of individual episodes of the armed conflict in Dagestan in the second half of the 40s-50s of the XIX century in the publications of the authors of the newspaper "Kavkaz"

¹ Mkrtchyan N.A.,
¹ Pyatigorsk State University

Abstract: this article examines M.S. Vorontsov's diplomacy in the Caucasus, addressing the crisis in Russian policy in the region. Particular attention is paid to Prince M.S. Vorontsov's methods for achieving these objectives. A focus is also placed on the newspaper "Kavkaz" coverage of the siege of Salty and Gergebil, Dagestan. By examining newspaper publications, it is possible to reconstruct the level of understanding of the events by those not directly involved in the armed conflict. This approach allows us to identify which ideological aspects were considered paramount and how they were reflected in the regional press. It is important to note that the main ideological

tenets of "Kavkaz" were strengthening the imperial image, glorifying the army and its commanders, demonstrating military effectiveness, minimizing one's own failures, and creating a negative image of the enemy. Thus, "Kavkaz" acted as a conduit for government policy, striving to present the Russian Empire as a force capable of ensuring peace in the Caucasus.

Keywords: newspaper "Kavkaz", armed confrontations, Dagestan, imperial politics, crisis resolution, propaganda

For citation: Mkrtchyan N.A. Features of the coverage of individual episodes of the armed conflict in Dagestan in the second half of the 40s-50s of the XIX century in the publications of the authors of the newspaper "Kavkaz". *Historical Bulletin*. 2025. 8 (7). P. 200 – 210.

The article was submitted: July 18, 2025; Approved after reviewing: September 16, 2025; Accepted for publication: October 23, 2025.

Введение

Появление на Кавказе М.С. Воронцова ознаменовало собой активизацию усилий России по распространению в регионе своих порядков. Накопленный к середине 40-х гг. XIX в. опыт позволял внести существенные коррективы в выбранный курс по усмирению «немирных» горцев, сумевших выработать достаточно эффективные способы противостояния могущественному противнику. Пользовавшийся доверием государя опытный администратор и военачальник получил необходимые полномочия, чтобы успешно преодолеть кризис в российской политике в крае, применив для этого самые разные, но при этом дополняющие друг друга меры воздействия на ситуацию [3].

Среди них большое значение придавалось методам силового давления на неприятеля, без которого все остальные способы умиротворения Кавказа были тщетны. Среди наиболее значимых проблемных территорий выделялся Дагестан, в котором и зародилось движение мюридизма, поставившее под угрозу власть империи и на сопредельных землях. Труднодоступная горная местность, населенная воинственными обществами, станет одним из приоритетов в планах российского командования на ближайшие годы. Именно на примере Дагестана в немалой степени будут оцениваться успехи и неудачи нового наместника. Отсюда и повышенный интерес к информации, позволявшей получить представление о происходящих здесь событиях.

Материалы и методы исследований

Для анализа использовались материалы газеты «Кавказ» за 1846-1859 гг., включающие 256 публикаций, из которых 95 касались операций в Дагестане, 85 – в Чечне и Ингушетии, 76 – событий Западного Кавказа, что позволило реконструировать медийное освещение военно-политического противостояния на Северо-Восточном Кавказе и выявить доминирующие идеологические установки редакции. Методологическая основа исследо-

вания сочетала количественный и качественный подход: подсчет упоминаний ключевых российских командиров и лидеров горского сопротивления позволял оценить редакционную селективность и персонификацию власти, а содержательный анализ публикаций выявлял стратегии формирования образов «героя» и «антигероя», акцент на военных успехах, минимизацию провалов, создание негативного образа противника и использование средств героизации, контрастного нарратива и иронии. В качестве дополнения к газетным данным учитывались мемуары и исследования отечественных и зарубежных авторов, что обеспечивало сопоставление современных Воронцову и Барятинскому источников с послезнанием историков, позволяя оценить как фактический ход событий, так и восприятие их российской общественностью, а также эффективность методов идеологического воздействия.

Результаты и обсуждения

Князь М.С. Воронцов, понимавший значение влияния пропаганды на умоностроения подданных империи, стремился не отдавать освещение столь важной проблемы на откуп слухам и формировать общественное мнение с помощью подконтрольных местной администрации средств массовой информации. Как нельзя лучше для этого подходила газета «Кавказ», издававшаяся с 1846 г. в Тифлисе и своим появлением обязанная наместнику [15].

В дальнейшем перипетии военно-политического противостояния на Северо-Восточном Кавказе будут достаточно скрупулезно отображены в многочисленных мемуарах и изучены в исследованиях отечественных и зарубежных авторов. В них выделены наиболее значимые с точки зрения достигнутых результатов события. Но это будет оценка, в немалой степени опирающаяся на послезнание, в то время как современники, за исключением немногочисленного числа лиц, имевших доступ к расширенному пласту инфор-

мации в силу своего служебного положения, такой возможности не имели. Изучая газетные публикации, мы можем реконструировать уровень понимания сути происходящих событий той частью общества, которая непосредственно не была вовлечена в вооруженную борьбу. Это позволит выяснить, какие идеологические аспекты считались первостепенными по своей значимости и как они отражались на страницах региональной прессы.

Военный дебют М.С. Воронцова, связанный с походом в селение Дарго, оказался неудачен, но послужил уроком как для самого главнокомандующего, так и для Петербурга, окончательно признавшего необходимость предоставить князю самую широкую автономию [13]. Российское командование не отказалось от практики штурма горских селений, но теперь больше внимания уделяло защите своих коммуникаций от нападений противника. В отличие от Чечни, где мюриды в случае опасности покидали аул, зная, что смогут легко восстановить разрушенные деревянные жилища, жители Дагестана отчаянно сражались за свои каменные сакли. Отсюда и упорство сторон в обороне и захвате этих по сути своей крепостей, позволявших контролировать всю близлежащую округу.

Шамиль стремился сохранить инициативу в борьбе против царских войск, вторгаясь в те территории, которые не подчинялись имамату. Осенью 1846 г. он захватил ряд аулов Акушинского общества, устроил нападения в пределы Мехтулы и шамхальства тарковского. Благодаря энергичному противодействию со стороны российской армии и отсутствию со стороны местного населения массовой поддержки мюридов они в итоге вынуждены были отступить, не достигнув желаемого [17].

Следующие три года, по словам Н.И. Покровского, для Дагестана стали периодом «ярко выраженной борьбы за укрепленные пункты, борьбы, в которой наступающей стороной являлись преимущественно русские войска». В результате были захвачены селения Салты (1847 г.) и Гергебиль (1848 г.) которые стоили и русским, и горцам больших потерь. К Гергебилу царскому командованию приходилось подступаться дважды и широко применять артиллерию, без которой захватить эту твердыню долго не удавалось [14]. В свою очередь, Шамиль в сентябре 1848 г. попытался занять крепость Ахты, но ее гарнизон и часть сочувствующих России горцев отразили его натиск и дождались подкрепления. К числу неудач кавказского командования следует отнести осаду аула Чох в июле – августе 1849 г. Несмотря на его значительные разрушения, гарнизон сумел удержать

свои позиции, а отряд М.З. Аргутинского отступил.

В дальнейшем усилия российского командования оказались сосредоточены на Чечне, которую справедливо считали житницей имамата. Это, впрочем, не означало, что боевые действия в Дагестане полностью затихли. Известный наиб Хаджи-Мурат в июне 1850 г. совершил набег на стада, принадлежавшие мехтулинцам, но был настигнут преследователями и лишился добычи. И в дальнейшем он занимался подобной «промысловой деятельностью», которая не столько имела военное значение, сколько работала на героический имидж предводителя в глазах горцев, ценивших удачливость и храбрость.

Пока российские войска действовали в Чечне, имам Шамиль пытался расширить свое влияние на дагестанские народы. Его отряды действовали в Казикумухе, пытались поднять против русских жителей Кайтага и Табасарани. Но искомой поддержки мюриды не получили, и их действия в итоге стали обычными набегами за добычей. Неудачи явно поколебали верность Шамилю, и даже среди его наибов усилились оппозиционные настроения. Следствием этого стало бегство к русским Хаджи-Мурата, считавшегося одним из наиболее талантливых военных предводителей в имамате. В дальнейшем число противников имама из его недавних соратников будет только возрастать.

Начавшаяся Восточная (Крымская) война приостановила успешное наступление российской армии против «немирных» горцев. И даже внешне эффектный набег мюридов на Кахетию в 1854 г. серьезных военных последствий не имел [20]. А когда Россия заключила в 1856 г. Парижский мир и вновь сосредоточилась на решении кавказского вопроса, имамат оказался обречен. К весне 1859 г. Чечня окончательно была покорена, и силы русской армии устремились в Дагестан. Последним приютом имама стал аул Гуниб, где он и сдался на милость победителю с немногочисленными сохранившими преданность приближенными [1].

Описанные события в разной степени нашли отражение в газете «Кавказ», пытавшейся удовлетворить естественный интерес своих читателей к драматическому противостоянию в крае. Начиная с первого номера и вплоть до октября 1859 г. было выявлено девяносто пять сюжетов, относящихся к событиям вооруженного противостояния в Дагестане. Примечательно, что зачастую на страницах издания говорилось о второстепенных эпизодах развернувшейся борьбы, а ряд ярких эпизодов не попал в поле зрения авторов. Нам представляется, что причиной подобной «избирательности» стала не политика цензуры, а сложность адекватной

оценки того или иного события. Требовалось время, чтобы разобраться в последствиях происходивших процессов.

Тем не менее внимание к событиям в этой части Кавказа следует признать устойчивым, и даже на фоне успехов сторонников мюридизма редакция не пыталась замалчивать происходящие здесь столкновения. Интересно представлено освещение в газете упорной борьбы за селение Гергебиль. Уже в конце июня в газете «Кавказ» встречается упоминание о безуспешном нападении мюридов на отряд генерал-лейтенанта Аргутинского-Долгорукова, прикрывавшего движение основных сил войска. В заметке подчеркивалась умелое командование начальника левого фланга Кавказской линии, храбрость, решительность и дисциплинированность его подчиненных. Другим героем сообщения стал генерал-лейтенант В.О. Бебутов, который занял селение Ходжал-Махи и сумел избежать потерь от эпидемии, которая в высокогорных аулах не проявилась [4]. Безусловно, представленный материал подвергался военной цензуре. Болезненные потери и фактический провал задуманной операции не были удостоены внимания автора. Но сам факт отражения происходящих событий позволяет оценить редакционную политику издания как вполне отвечающую существующим реалиям и настроенную на удовлетворение интереса в обществе к такой информации.

Исследователь Х.А. Касумов отмечает, что в условиях продолжительного конфликта региональная периодическая печать находилась в определенном «подчинении» российского командования [11]. По этой причине некоторые неоднозначные или не самые успешные военные эпизоды изданием освещались опционально. В сложившихся обстоятельствах такой подход видится вполне оправданным и, что примечательно, практикуется и в наше время. Подобные информационные технологии формирования имиджа (позиционирование, убеждение и внушение) позволяют построить образ и направить его восприятие в нужное русло посредством понятных и благоприятных категорий [21].

Использование таких методов работы с информацией свидетельствует о высоком уровне мастерства сотрудников издания, которые не умолчали о событии, отдав его на откуп паническим слухам, а подали его с наиболее выигрышной для поддержания авторитета армии стороны.

Вторая попытка занятия Гергебиля состоялась в начале июня 1848 г., и спустя месяц подробности осады уже приводились на страницах газеты [8]. Судя по имеющимся подробностям, журналиста явно ознакомили с официальными отчетами

командования, постаравшегося преподнести завершившееся сражение в выгодном для себя изложении. Фигурировали имена участников битвы, причем назывались как российские командиры (полковник Барятинский, майор Саймонов), так и представители горской стороны (Хаджи-Мурат), хорошо знакомые читателям газеты. Из статьи становилось известно, что войска под командованием полковника А.И. Барятинского отразили одновременную вылазку неприятельского гарнизона и отряда под предводительством Хаджи-Мурата. Хотя силы горцев удостоились несколько уничтожительно-пренебрежительной оценки («большая толпа»), но от читателя не скрывали, что действовали они организованно, и это никак не соответствовало такой характеристике. Возможно, здесь мы сталкиваемся с примером «эзопова языка», практиковавшегося отечественными публицистами, стремящимися обойти цензуру и объективно оценить происходящие события. В результате сражения с участием батальона Дагестанского полка под командованием майора Саймонова потери противника оценивались в 300 человек. Горцы не смогли вынести все тела павших и брошенное на поле боя оружие. Участники столкновений прекрасно знали, что такие случаи встречались крайне редко, и произошедшее свидетельствовало о панике, поразившей ряды мюридов. В числе убитых автор выделял одного наиба и главного кадия Аварского.

Для сравнения упоминалось о том, что императорские войска потеряли убитыми и ранеными до 140 человек, 9 раненных офицеров. Такая статистика демонстрирует масштаб сражения, величину его значения и уровень интенсивности.

В финале описания покорения Гергебиля подчеркивается, что всё это происходило на глазах у имама Шамиля, который, «как и в прошлом году, при Салтах, был свидетелем потери укрепления, объявленного им недоступным». Не без язвительности в адрес сбежавшего гарнизона читателю напоминали о том, что мюриды обещали «умереть скорее, нежели оставить Гергебиль», но не сдержали своего слова. Для местных реалий и психологии населения был важен символизм, факт личного присутствия главы мюридов, что понимали и авторы «Кавказа». Результат нередко оценивался не столько потерями и занятыми территориями, сколько личным участием в битве первых лиц противоборствующих сторон.

Воинское мастерство отдельных командиров также заслуживало похвалы, что в комплиментарных выражениях и доводилось до сведения читателей. Сочли необходимым подчеркнуть, что завершение осады Гергебиля обошлось «без всякой

с нашей стороны потери». Командование берегло солдат и предпочло выбивать силы неприятеля огнем артиллерии. Горцы не выдержали натиска и вынуждены были скрыться, воспользовавшись темнотой.

Наиболее часто автор этой публикации выделяет фигуры генерал-лейтенанта князя М.З. Аргутинского-Долгорукова (2 упоминания) и главнокомандующего М.С. Воронцова (2 упоминания). В материале также выделяются фигуры князя В.О. Бебутова (1), барона Э.К. Деллингсгаузена (1), будущего наместника А.И. Барятинского (1), начальника артиллерии Э.В. Брюммера (1), майора Соймонова (б.и.) (1), полковника Н.И. Евдокимова (1), князя Г.Д. Орбелиани (1), барона Л.П. Николаи (1).

Покорение Гергебиля выделялось по нескольким причинам, связанным как с военной, так и с информационной политикой того времени. Во-первых, Гергебиль имел стратегическое значение для обеих сторон, так как овладение этим аулом открывало путь к дальнейшему продвижению российских войск в Дагестане. Во-вторых, несмотря на то, что пресса очень выборочно осветила первую экспедицию в этот аул, его окончательное покорение стало важной вехой в многолетнем конфликте, что позволило авторам привести подробности похода, опираясь на официальные отчеты командования. Тем не менее даже после успешного штурма редакция ограничилась одной публикацией, что, может быть, связано с нежеланием акцентировать внимание на трудностях и потерях, которые сопровождали обе попытки.

Невозможно обойти стороной одну из наиболее успешных военных операций этого периода, которая во многом способствовала окончательному покорению Гергебиля, – поход на дагестанский аул Салты, расположенный на реке Кара-Койсу. Освещению благополучной экспедиции в издании посвятили несколько выпусков. Первый эпизод в череде публикаций затрагивает материал о противостоянии войск имамата и Самурского отряда, которое произошло в ночь с 6 на 7 августа [5]. Ущерб, нанесенный российской армии, оценивается как «ничтожный». В следующем номере была опубликована развернутая статья о военных действиях двух последующих дней. Описывая поход главнокомандующего на высоты, занятые неприятельскими отрядами под начальством Абакер Аджи и Муссы Белаханского, и действия роты дагестанского пехотного под начальством полковника Евдокимова, редакция в очередной раз выражает восхищение храбростью, решительностью командования и военнотружущих и определяет их действия как доказательство того, что «в открытом

бою, несмотря на те ущелья и скалы, где они (горцы) гнездятся, их всегда ожидает поражение при встрече с нами» [6]. Сам факт использования таких негативно окрашенных слов, как «гнездиться», по отношению к неприятелю свидетельствует о попытке психического кондиционирования – способа формирования у определенных социальных групп негативного отношения к противнику [12].

Уже в газете № 39 от 29 сентября на первой полосе был размещен материал, в котором сообщалось о благодарственном молебне в Сионском кафедральном соборе по случаю взятия аула Салты и уничтожения его гарнизона. Следующая статья в этом же номере сообщает подробности этого события. Подчеркивалось, что командование берегло жизни своих солдат и офицеров и не бросало их в кровавые штурмы. Вместо этого селение было блокировано, что вызвало «затруднение гарнизона в добывании воды из ближних садов и пресечение по возможности всех дорог, по коим хотя бы несколько выюков с провиантом могли входить к осажденным».

Критерий потерь становился главным мерилем успешности проведенной операции, и авторы материалов стремились подчеркнуть несопоставимость этих показателей у горцев и русских. Фактор воздействия на умонастроение населения становился одним из приоритетов в планах командования, а потому, подчеркивая, что Шамиль потерял «лучших людей из всех обществ и почти всякой деревни в стране ему подвластной» [7], автор подводил читателя к мысли об утрате имамом доверия среди местных жителей. Оценивая значение покорения Салтов, автор подчеркивает, что «взятие и истребление сего аула обеспечивает навсегда линию покорной нам части Дагестана от непокорной».

В отличие от других крупных военных акций, действующих лиц упоминается не так много. Помимо главнокомандующего князя М.С. Воронцова (2 раза), встречаются только генерал-лейтенант князь Аргутинский-Долгорукий (2 раза), полковник Н.И. Евдокимов (1 раз) и поручик Карамзин (1 раз). Примечательно, что, несмотря на небольшой список участников, автор преследует некую иерархию – от главнокомандующего до простого поручика. В данном случае освещение взятия аула было сфокусировано не столько на личностях, сколько на факте победы и ее стратегическом значении. Небольшое количество упомянутых фамилий на контрасте с подробным описанием хода осады и последствий действий Шамиля свидетельствует о том, что авторы стремились представить событие в большей степени как результат систем-

ных усилий и эффективной военной стратегии, а не как подвиг отдельных героев.

Новую славу русского оружия увенчала защита самурского укрепления Ахты в 1848 году. Информация об этих событиях появилась в газете «Кавказ» лишь к 30 октября [10]. Публикация характеризовала защиту укрепления как «блистательнейший геройский подвиг русских на Кавказе», причем редакция особо ручалась за достоверность сведений. Материал начинался с описание сентябрьского выдвижения многочисленных неприятельских отрядов к Самурскому округу, которым противостоял полковник Рот с гарнизоном и милицией. Среди главных предводителей горских сил выделялись наибы Хаджи-Мурат и Даниель-Бек. В статье не скрывалось тактическое мастерство противника: прибывший Шамиль организовал возведение баррикад у реки Ахтычай. Автор признавал эффективность этой меры, отмечая, что «завал, в скорости поднялся на такую высоту, что неприятель мог за ним скрываться невредимо». Примечательно, что данный материал является одним из немногих, где открыто демонстрируется отчаянное положение осажденного гарнизона. Потери русских упоминаются уже в середине повествования, без традиционного сопоставления с уроном неприятеля. Особенное внимание уделяется фигуре командира гарнизона. Сообщалось, что тяжело раненный полковник Рот передал командование капитану Новоселову, напутствовав офицеров держаться «до последней крайности» и взорвать пороховые погреба в случае падения крепости. Нарратив публикации подробно описывает драматизм обороны: взрыв 400 пудов пороха и артиллерийских припасов унес жизни штабс-капитана Байдакова и 30 нижних чинов. Атмосфера седьмого дня осады передана предельно реалистично: полуразрушенные казармы, заваленные ранеными, груды непогребенных тел и женщины с детьми, ищущие укрытия. Этот «ужасный вид» контрастировал с непоколебимостью защитников, вдохновленных речью полковника, Рота о долге «не щадить жизни за Царя». Автор резюмирует этот эпизод патетически: «Защита была в руках героев!» В отличие от многих аналогичных публикаций, здесь подчеркивается численное и тактическое превосходство горцев. Однако именно этот контраст позволяет авторам ярче изобразить исключительную жертвенность русских солдат и офицеров, таких как погибший поручик Щекин и раненый капитан Новоселов. «Бой ужасен!» – таким восклицанием завершается часть, в которой рассказывается о попытке окончательного захвата крепости горцами. Исследователь Н.Б. Руженцева отмечает, что внутритекстовое использование об-

раза врага в сочетании с образом защитника имеет глубокие национальные корни, уходящие в фольклорную традицию. Воздействие, направленное на возбуждение чувства патриотизма, в первую очередь связано с созданием целостного образа защитника России [18].

В 1851 году редакция опубликует «Рассказ об осаде укрепления Ахты» – воспоминания непосредственного участника событий, капитана Семена Новоселова, удостоенного за оборону высоких наград [19]. Это повествование не только содержало дополнительные детали обороны укрепления, но и знакомило читателей с личностями непосредственных защитников Ахтов, их семьями, разделившими все тяготы обороны, теми горцами, которые сохранили верность России и остались в крепости, и, конечно же, с судьбой самого капитана Семена Новоселова. Все участники героической обороны укрепления были награждены императором. Автор мемуаров получил Георгиевский крест, был удостоен чина майора и стал подполковником. В эпизоде с защитой Ахтинского укрепления авторы привели наибольшее количество фамилий участников сражений, среди них были не только командующие и офицеры, но также и рядовые и нижние чины. Таким образом, редакция делает упор на значимость каждого, кто проявил храбрость в таких сложных и кровопролитных сражениях.

Освещение Ахтинской защиты стало наглядной иллюстрацией изменения редакционной политики издания. Если в случае с Даргинской экспедицией большое количество жертв, отрицательные или сомнительные результаты просто замалчивались, то теперь публикации о тяжелых боях и понесенных потерях допускались, что подчеркивало верность долгу и готовность Кавказской армии к самопожертвованию. Место краткой официозной репортажной записки заняли развернутые очерки, мемуары, элементы хроники. Издание начинает откликаться на потребность читательской аудитории в необезличенных историях и реалистичных подробностях.

Чтобы увидеть, насколько тщательно в газете освещались военные события, мы свели все публикации за 1846-1859 гг. в три укрупнённых блока: военные сюжеты (донесения с Кавказской линии, описания походов, списки награждённых, мемуары участников) – 267 публикаций; материалы культурно-образовательного характера (этнография, археология, литература, культурные события) – 153 публикации; социально-экономические сюжеты – 67 публикаций. Ниже приведена сравнительная таблица, в которой отражена процентная доля в объёме публикаций за весь период.

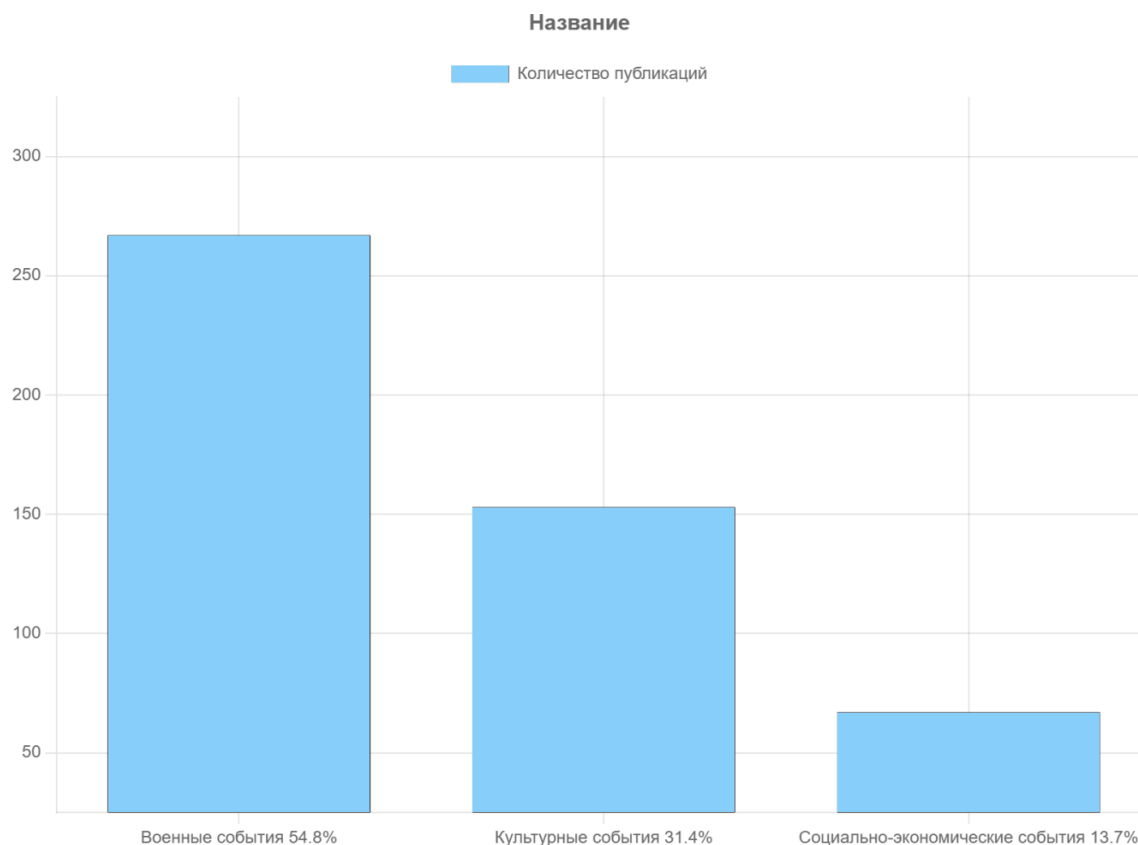

Рис. 1. Соотношение публикаций о военных событиях к прочим сюжетам.

Fig. 1. Ratio of publications about military events to other topics.

Таблица подчеркивает селективность редакционной политики: военные материалы использовались для легитимизации колониальной экспансии, тогда как другие темы дополняли повествование, но не противоречили основной пропагандистской цели – укреплению имперского имиджа. Прежде чем переходить к числам, важно разобраться, как «Кавказ» распределял внимание к событиям внутри самого театра войны. Если общая доля военных

публикаций показывает, «сколько» писали о войне, то географический срез отвечает на вопрос – где именно, по мнению редакции, эта война велась. На диаграмме ниже мы свели все военные материалы 1846-1859 гг. к трем условным зонам: Дагестан и прилегающие горные общества; Чечня и Ингушетия; Западный Кавказ (Черкесия, Абхазия, побережье).

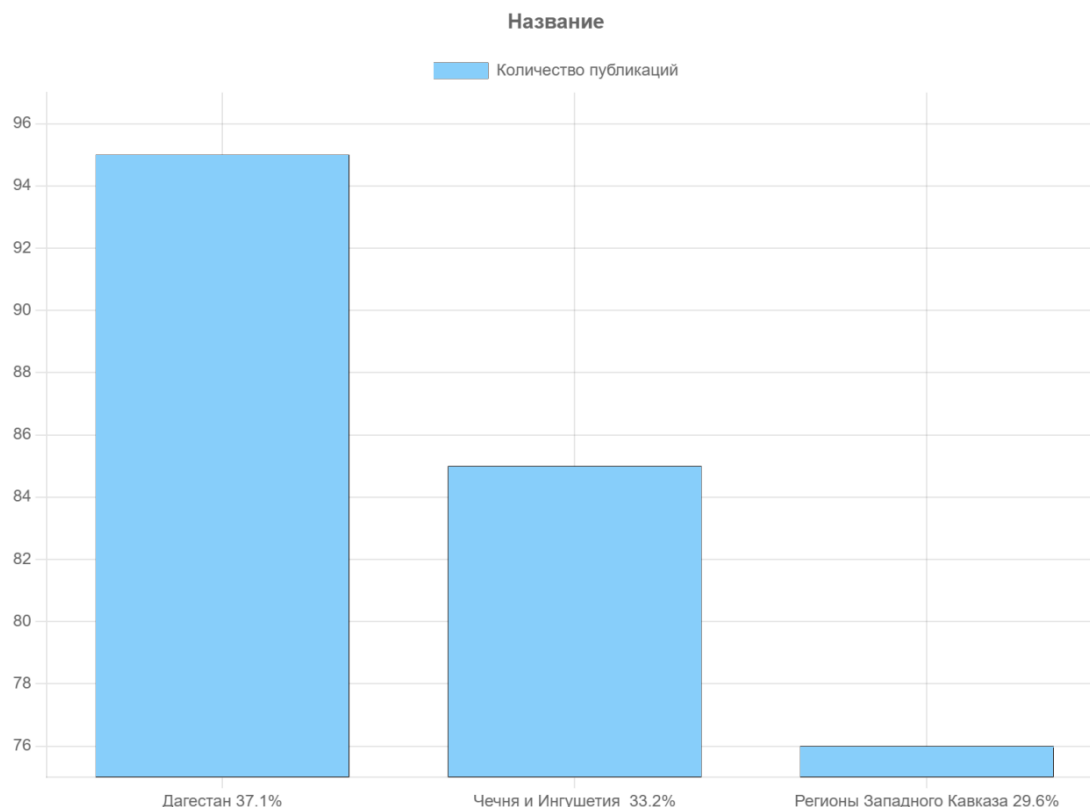

Рис. 2. Соотношение публикаций по регионам.

Fig. 2. Ratio of publications by region.

Анализ публикаций показал, что вплоть до 1859 года (пленения лидера мюридов Шамиля) публикации авторов в большинстве были посвящены событиям в Дагестане и Чечне. С 1846 по 1859 год практически всё внимание редакции было сконцентрировано на военных акциях Северо-Восточного Кавказа. Из 256 публикаций 95 было посвящено операциям в Дагестане, 85 – в Чечне и Ингушетии, а 76 – событиям Западного Кавказа.

Штурмом последней резиденции Шамиля – аула Гуниб – завершилось противостояние на Северо-Восточном Кавказе. Повествованию об одном из главных событий кавказских войн посвящены материалы пяти номеров [9]. Авторы описывают движение трех главных отрядов – Чеченского, Лезгинского и Дагестанского в долину Андийского Койсу. Соответственно, главными действующими лицами выступали их начальники – генерал-лейтенант граф Евдокимов, генерал-майор князь Меликов, генерал-адъютант барон Врангель и, конечно, главнокомандующий А.И. Барятинский. Итоговые публикации, информирующие читателя об окончательной победе над мюридизмом и установлении мира «после 50 лет кровавой борьбы»,

начинаются с описания штурма, дислокации войск и предварительных работ. Решение наместника А.И. Барятинского остановить перестрелку с засевшими в Гунибе мюридами и предложение им сдаться авторы связали с желанием «не подвергать напрасно аул, в котором было столько женщин, и детей, всем ужасам штурма». В эпизоде со сдачей Шамиля в плен намерение имама характеризуется как «повержение своей судьбы милосердию Государя Императора». После статистики потерь со стороны императорских войск и перечисления полученных трофеев редакция подчеркивала, что геройский подвиг овладения Гунибом блистательно заключил «ряд беспримерных подвигов, совершенных в последнее время кавказскими войсками».

За охваченный нами период деятельности газеты «Кавказ» – с 1846 по 1859 г. – на страницах издания фигурировало множество совершивших военные подвиги героев. Но и среди них были свои лидеры, в частности, генерал-адъютант Н.И. Евдокимов, подвигам которого было посвящено 49 публикаций.

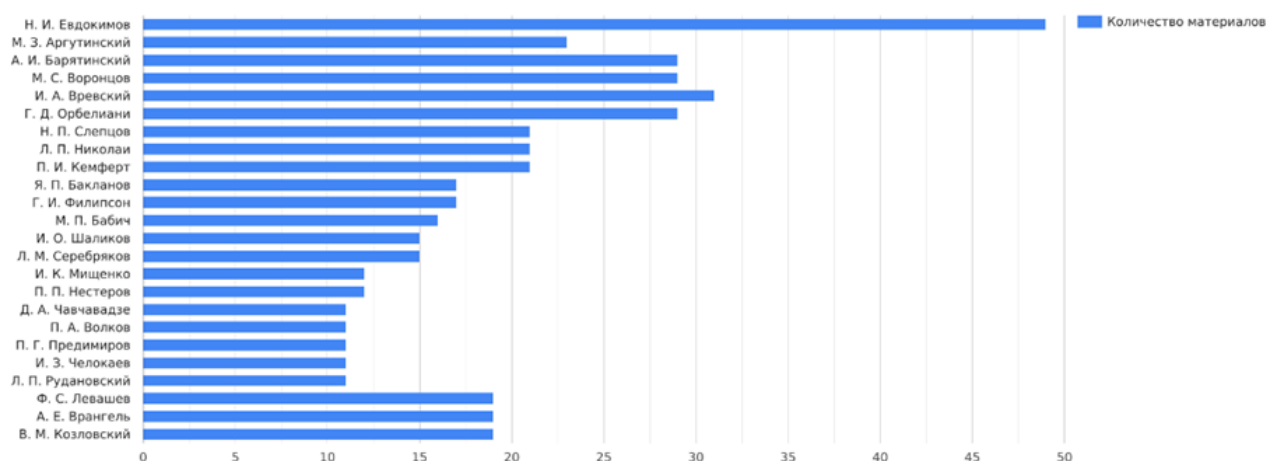

Рис. 3. Известные военачальники.
Fig. 3. Famous military leaders.

Среди наиболее известных военачальников авторы выделяли фигуры наместников М.С. Воронцова (29) и А.И. Барятинского (29), а также барона И.А. Вревского (31), генерал-лейтенанта Г.Д. Орбелиани (29), генерал-адъютанта М.С. Аргутинского-Долгорукова (23), генерал-майора Н.П. Слепцова (21), генерал-майора Л.П. Николаи (21 раз), генерал-лейтенанта П.И. Кемферта (21) и др. Упоминание лидеров горского сопротивления встречается в разы реже. Так, среди набов имама редакция выделяла Хаджи-Мурата (4 раза), Гумбетовского набиа Абакар Дибера (2 раза), Дубу Вашиндароевского (2 раза), Талгика Шалинского, набов Акинского и Шатоевского (без упоминания имен), Ичкирийского набиа Муртазали, Набав Анкрательских и Джурмутского (без упоминания имен), Адалова, Мола-Шахбана и Бакрак Али (2 раза), Лезгинского набиа Мелкума Раджаба, набов Мехельтинского и Унцукульского, набиа Сильдинского Махама Хаташвили, набов Алхана и Хапцова, Гехи, Гебека, Шамхала и сына Шамиля Казимагомеда (2 раза). Сам горский лидер упоминался редакцией в 47 материалах. Действительно, полководческие способности и талант организатора позволили Шамилю стать символом горского сопротивления, а в глазах российской общественности – главным оппонентом. Главнокомандующий отдельным Кавказским корпусом Е.А. Головин в письме к военному министру А.И. Чернышеву характеризовал Шамиля как «врага лютейшего и опаснейшего» [1].

Такой контраст в количестве упоминаний позволяет сделать ряд выводов о редакционной политике издания: во-первых, авторы стремились персонифицировать российскую власть посредством создания образа героя-покорителя. Этому свидетельствует лидерство генерал-адъютанта Н.И. Ев-

докимова, известного своими победами; во-вторых, соблюдался иерархический принцип упоминания – частота фигурирования фамилий российских военачальников коррелирует с их положением в военно-административной структуре. Наместники (М.С. Воронцов и А.И. Барятинский) и военачальники А.И. Вревский и Г.Д. Орбелиани упоминаются примерно одинаковое количество раз – 29/31; большая разница между частотой упоминаний российских военачальников и лидеров горского сопротивления (за исключением Шамиля) свидетельствует, с одной стороны, о попытках редакции деперсонализировать противника – обезличить его, зачастую представить горцев в образе анонимных антагонистов, возглавляемых отдельными личностями, а с другой стороны, может говорить об отсутствии достаточного количества информации о лидерах горского сопротивления. Эти пункты подтверждает статистика упоминания набов – военачальников, на которых опиралась власть имамата.

Профессор В.Б. Петухов определял создание образа «героя» и «антигероя» в информационном пространстве как самый распространенный прием дифференциации базовых символических ценностей в общественном сознании. Так, логичным представляется тот факт, что на фоне низкой статистики упоминания воюющих горцев выделяется фигура их лидера – имама Шамиля. Это, несомненно, говорит о признании его ключевой роли в восстании региона и о попытке редакции изобразить в его лице того самого «антигероя» [16]. И если при описании действий императорских войск часто упоминается большое количество участников боевых действий – от простых солдат до офицеров, то при освещении вражеских операций наиболее узнаваемым остается имам Шамиль.

Выводы

Основными идеологическими установками редакции являлись укрепление имперского имиджа, героизация армии и ее командиров, демонстрация военной эффективности, минимизация собственных провалов, создание негативного образа неприятеля. Газета выступала проводником правительственной политики, стремясь представить Российскую империю как силу, способную обеспечить мир на Кавказе. Это достигалось через акцент на военных победах, на «цивилизаторской миссии» и демонстрации превосходства российских войск над «немирными» горами. Акцент делался на личность командующего (например, М.С. Воронцова, А.И. Барятинского, Н.И. Евдокимова, М.С. Аргутинского-Долгорукова, В.О. Бебутова), выделялась их решительность, тактическая грамотность и мужество. Это создавало образ

эффективного и непогрешимого руководства, способного преодолевать любые трудности. Успехи российских операций (взятие Гергебиля, Салтов, оборона Ахты) преподносились как неоспоримые доказательства превосходства имперской стратегии. Подчеркивались масштабы потерь противника и его неспособность удерживать ключевые пункты, что укрепляло идею неизбежности поражения горцев, которые изображались как отсталые и неорганизованные силы. Однако в некоторых случаях их упорство признавалось, чтобы подчеркнуть ценность победы («даже сильный враг был побежден»). Основными приемами пропаганды выступили селективность в подаче материалов, героический нарратив, контрастное изображение действительности и употребление иронии в адрес противника, а также политическое обоснование действий.

Список источников

1. Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994. С. 376.
2. Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М.: Мысль, 2004. С. 601 – 607.
3. Дегоев В.В. Три силуэта Кавказской войны: А.П. Ермолов, М.С. Воронцов, А.И. Барятинский // Вестник института цивилизации. 2000. № 3. С. 67 – 116.
4. Кавказ. // 1847. № 26. С. 102 – 103.
5. Кавказ. // 1847. № 33. С. 130.
6. Кавказ. // 1847. № 34. С. 135.
7. Кавказ. // 1847. № 39. С. 153 – 154.
8. Кавказ. // 1848. № 29. С. 115.
9. Кавказ. // 1859. № 61 С. 335 – 337.
10. Кавказ. Ахты. // Кавказ. 1848. № 44. С. 174.
11. Касумов Х.А. Российская пресса и Кавказ в первой трети XIX века: информирование, просвещение, анализ // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 4. С. 83.
12. Кафтан В.В. Коммуникативные технологии конструирования «образа врага» в современных политических конфликтах // Политика развития, государство и мировой порядок. Сборник материалов VIII Всероссийского конгресса политологов 6-8 декабря 2018 г., Москва. М.: «Аспект Пресс», 2018. С. 252.
13. Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С. Даргинская экспедиция 1845 г. и ее значение для планов российского командования // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2009. № 4. С. 52 – 57.
14. Овладение укрепленным аулом Салты в Дагестане в 1847 году // Б.м. 1847. 53 с.
15. Памятные даты по Ставропольскому краю на 2006 год. Ставрополь. Ставропольский хронограф на 2006 год: Краеведческий сборник. 2006. С. 4 – 17.
16. Петухов В. Б. Образы «героя» и «антигероя» в информационном пространстве противодействия терроризму. Ульяновск: Ул.ГТУ, 2014. С. 8.
17. Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М.: «Российская политическая энциклопедия», 2000. С. 415 – 416.
18. Рассказ об осаде укрепления Ахты // Кавказ. 1851. № 66. С. 269 – 270.
19. Руженцева Н.Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе. Екатеринбург, 2004. С. 145 – 146.
20. Виноградов В.Б. Северный Кавказ с древнейших времён до начала XX столетия (историко-этнографические очерки). Пятигорск: ПГЛУ, 2010. С. 183 – 184.
21. Судаков А.Ю. Политические технологии в формировании позитивного имиджа Вооруженных Сил Российской Федерации // Вестник ПАГС. 2008. № 3. С. 187.

References

1. Blied M.M., Degoev V.V. The Caucasian War. Moscow, 1994. P. 376.
2. Blied M.M. Russia and the Highlanders of the Greater Caucasus. Towards Civilization. Moscow: Mysl, 2004. P. 601 – 607.
3. Degoev V.V. Three Silhouettes of the Caucasian War: A.P. Ermolov, M.S. Vorontsov, A.I. Baryatinsky. Bulletin of the Institute of Civilization. 2000. No. 3. P. 67 – 116.
4. The Caucasus. 1847. No. 26. P. 102 – 103.
5. The Caucasus. 1847. No. 33. P. 130.
6. The Caucasus. 1847. № 34. P. 135.
7. The Caucasus. 1847. № 39. P. 153 – 154.
8. The Caucasus. 1848. № 29. P. 115.
9. The Caucasus. 1859. № 61 P. 335 – 337.
10. The Caucasus. Akhty. The Caucasus. 1848. № 44. P. 174.
11. Kasumov H.A. Russian press and the Caucasus in the first third of the 19th century: information, education, analysis. Current problems of the humanitarian and natural sciences. 2013. № 4. P. 83.
12. Kaftan V.V. Communicative technologies of constructing the "image of the enemy" in modern political conflicts. Development policy, state and world order. Collection of materials from the VIII All-Russian Congress of Political Scientists, December 6-8, 2018, Moscow. Moscow: Aspekt Press, 2018. P. 252.
13. Klychnikov Yu.Yu., Lazaryan S.S. The Dargin Expedition of 1845 and its Significance for the Plans of the Russian Command. Scientific Problems of Humanitarian Research. 2009. No. 4. P. 52 – 57.
14. Capture of the fortified village of Salty in Dagestan in 1847. B.m. 1847. 53 p.
15. Memorable dates in Stavropol Krai for 2006. Stavropol. Stavropol chronograph for 2006: Regional studies collection. 2006. P. 4 – 17.
16. Petukhov V.B. Images of "Hero" and "Antihero" in the Information Space of Counteracting Terrorism. Ulyanovsk: Ul.GTU, 2014. P. 8.
17. Pokrovsky N.I. Caucasian Wars and the Imamate of Shamil. Moscow: "Russian Political Encyclopedia", 2000. P. 415 – 416.
18. Story of the Siege of the Akhta Fortification. Caucasus. 1851. No. 66. P. 269 – 270.
19. Ruzhentseva N.B. Discrediting Tactics and Techniques in Russian Political Discourse. Yekaterinburg, 2004. P. 145 – 146.
20. Vinogradov V.B. The North Caucasus from Ancient Times to the Early Twentieth Century (Historical and Ethnographic Essays). Pyatigorsk: PGLU, 2010. P. 183 – 184.
21. Sudakov A.Yu. Political Technologies in Shaping a Positive Image of the Armed Forces of the Russian Federation. Vestnik PAGS. 2008. No. 3. P. 187.

Информация об авторе

Мкртчян Н.А., аспирант, Пятигорский государственный университет, NareMK8@yandex.ru

© Мкртчян Н.А., 2025